

Сколько спят упавшие звезды?

Сказочнице Наталье, приоткрывшей мне дверь в этот удивительный мир.

Пролог

Что-то разбудило их. А ведь столько прошло со дня, когда в Долину пришел песок и уничтожил там почти все живое. Что-то подняло их, объединило и направило в путь; что-то пожелало, чтобы было так и никак иначе. Может, ветры — пустоликие беспокойные странники? Может, вкрадчивый бег Трех морей? Может, кто-то, кто подарил свет древнему и лукавому Небесному народу и ныне вовеки правит городом, утонувшим в полях диких цветов?

Решено это было без меня, но я не пробовал спорить.

Я хорошо помню, как впервые заметил их идущими по моему невидимому следу. Помню, что даже почти удивился, а ведь меня так трудно удивить: слишком многие шли ко мне, слишком многих я повидал и многих умертвил, когда они меня разочаровали.

Трое действительно искали меня, у каждого была своя в том нужда. Четвертый не искал ничего и никого, вряд ли вообще он хоть раз просил чьего-то совета или помощи. Но он тоже был с ними — окутанный мрачными черно-золотыми одеждами, ехал на вороном двугорбом верблюде и вез поочередно каждого из спутников, когда ноги у кого-нибудь из них подгибались. Думаю, он посадил бы в широкое бархатное седло их всех, а сам спустился бы. Но нравное животное, стоило хозяину спешиться, сразу ложилось на брюхо, нагло шурилось и шлепало губами. Верблюда нужно было погонять, и тогда он фыркал, недовольно плевался, но шел. Тихо позвякивали золотые браслеты на длинных мохнатых ногах, вздымавших облачка раскаленной пыли. Шаг. Шорох. Шелест. Шаг...

Да, это был караван, если можно назвать караваном процессию всего с одним выючным животным. И это было паломничество, если можно назвать паломничеством путешествие существ, которые давно опасаются во что-либо верить.

Четверо день за днем преодолевали бескрайнюю красную пустыню под сухим, тоже бескрайним небом. Веснушчатый мальчик с выгоревшими волосами молчал. Девочка с исполосованным шрамами лицом сердилась. Белая Женщина смеялась и подбадривала всех. А мужчина в черном смотрел вдаль и неустанно о чем-то тревожился. Его единственный не закрытый повязкой глаз мерцал желтоватым бликом Невидимого Светила.

Заинтригованный, я ждал. Они разыщут меня, такие всегда разыскивают, — я знал. Как бы я ни запутывал следы, мужчина в черном не обманется, прочие же... с ними было и того сложнее. У них были зоркие сердца.

В ожидании я вынул из кармана песочные часы и свой старый компас — тот, который не показывает путь, но показывает, где путь когда-то начался. В середине моего компаса — Пустыня Мертвых Городов, а окружает ее синее Незрячее море, и голубое Светлое, и почти черное Горькое, и воды их никогда не смешиваются. Вдоль берегов чайками угнездились Пять Непомнящих Столиц. Да, ни одна из них уже почти не помнит, столицей чего была, потому что все это лежит под песком. И ни у одной нет более имени, поэтому мне проще звать их по цифрам. От единицы до пятерки.

Когда я потряс компас наподобие того, как младенец трясет свою погремушку, цифры не отозвались. Маленькая точка зажглась не подле них, а в самой сердцевине бесплодных земель. Вот как? Впрочем, я мог бы и догадаться...

И я вернулся туда, где все началось. Перевернул часы. Песок посыпался сквозь узкую воронку. Из него складывался узор чужого прошлого.

1. Мальчик и звезда

Я знаю, что он был Первым — веснушчатый мальчишка со светлыми, в рыжину, вихрами и пронзительно-любопытным карим взглядом. Тощий, будто вытянувшийся вверх, одетый в перепоясанную тесемкой рубашку и штаны до колен. Босоногий и весь засыпанный песком. Голова его покоилась на коленях у Белой Женщины, которая была Второй. И он метался, потому что видел дурной сон, если только можно назвать дурным сном правду.

Мальчишка видел, как задыхается город, чьим хранителем, душой и волей он рожден, — Город-на-Холмах. Прежде у него было и другое, более красивое имя, но из памяти оно стерлось. Мальчишка не знал, как и почему все произошло, и уже очень долго смотрел на это, силясь или понять, или ослепнуть.

Все началось с резных листьев пальм, которые неуловимо затрепетали. Тогда всем показалось, что сейчас в город принесет немного ветерка из Ширгу, Грозового Графства, а может, оно расщедрится и на дождь. Небо как раз хмурилось, и Невидимое Светило сияло совсем слабо. Тучи сгущались. Они стали совсем плотными и рыхлыми к обеденному времени.

Да, да, будет дождь, сегодня будет дождь!

Так сказали даже по городской радиостанции, которая никогда не ошибалась.

Тогда женщины стали убирать с балконов зонтики, которыми укрывали от зноя клубнику, мяту и цветы, а дети — складывать из листов учебников лодки, чтобы, когда дождь пройдет, пустить в ручейки — вдруг доплывут до моря? Почтенные клерки в конторах и торговцы в лавках повынимали из служебных гардеробов сапоги — чтобы добраться домой с сухими ногами. А старушки достали из дальних шкафов корзины с пряжей и попросили внуков передвинуть кресла-качалки к окнам.

Все ждали дождя. Но вместо дождя пришла песчаная буря.

Под все тем же хмурым небом она вдруг, после похожей на молнию вспышки, обрушилась со всех сторон разом, преодолела городские стены и начала грузно, пластами, переваливать через них свое богатство. Песок сыпался всюду — на мостовые, где должны были быть лужи для клерков, в прокопанные и утрамбованные каналы вдоль улиц, где обычно пускали кораблики дети, на цветочно-клубнично-мятные балконы хозяек и в дымоходы домов, где собирались вязать старушки. Да, песок был повсюду. И он не кончался.

Последнее, что успели передать с местной радиобаши, прежде чем волна песчаного ветра сломала ее антенный шпиль, было: «Все города Песчаной Долины уже засыпаны полностью, и их радиостанции молчат».

Слова эти — «радиостанции молчат» — и стали тем, после чего люди бросили даже откапывать свои заваленные двери. Большинство тогда просто сели по диванам, обнявшись и зажмурились. Иные же, найдя крючья покрепче, привязали туда веревки и

забрались на стулья. Потому что радиостанции Песчаной долины, где смыкались Пять Графств, имевших своей серединой Город-на-Холмах, никогда не молчали, даже ночью изливая в небо музыку или таинственное бормотание читаемых вслух книг. Никогда не молчали.

Еще по радио успели передать, что песок, как казалось ученым (пока они еще были живы, им вроде бы так казалось), идет с краев Долины, накрывая ее, как огромная крышка могла бы накрыть кастрюлю, — поднимается откуда-то из-под фундамента Обережной Стены. Ведь вся долина стояла когда-то именно на песке, и от него она оставила себе имя, засадив бесплодную землю садами и испещрив ее подземными источниками. Теперь песок возвращался.

Город-на-Холмах должен был быть последним из заживо похороненных, и он им стал, и не спас его тот, кто спасал всегда. Не откликнулся, хотя золотые сигнальные ракеты стали пускать, уже когда упали первые песчинки. Ракеты сверкали, взрывались и кричали десятком голосов. Но тот, кого ждали люди, не явился.

А когда все закончилось, все-таки пошел дождь. Это был тот самый настоящий ливень, на который тут и не надеялись; потоки его точно донесли бы кораблики до моря, а старушки за время этой непогоды связали бы целые шарфы, а то и свитера. Но дождя уже некому было ждать, некому было встречать его и радоваться или досадовать. Города не было.

...А мальчишка — его маленькая душа — шел тогда по размокшему песку и оставлял цепочку неглубоких следов. Сначала он кричал и звал хоть кого-нибудь, потом охрип и замолчал. Понуро и медленно он брел, глядя под ноги, и наконец упал и бессильно заплакал, сотрясаясь всем телом. Дождь продолжал лить, песок становился все плотнее, одежда мокла.

Перед тем как лишиться чувств, мальчишка увидел впереди смутную фигуру. Человек был высоким, в руке у него вроде бы что-то знакомо светилось. Его надо было окликнуть, но не вышло. Мальчишка только вытянул руку и так рухнул снова, в рот попал песок, закричал на зубах. Больше мальчишка не поднимался и только смотрел, как человек растворяется в дожде. Последним исчез росчерк чего-то, что человек держал. Какой-то палки.

— Сжался надо мной...

Мальчишка прошептал это пустыне, и она услышала. Песок снова пришел в слабое движение. Дрогнул. Разверзся. Постепенно он поглотил тело, и поверхность стала ровной. Об нее все так же гулко ударялись капли.

...И теперь, когда мальчишка снова посмотрел на все это в своем затянувшимся сне, выступившие на глазах горячие слезы заставили его наконец проснуться.

— Как ты, малыш?

Над ним склонялась женщина с белыми волосами; длинные и прямые, схваченные в несколько кос, эти волосы окутывали ее наподобие сияния. Смуглое лицо покрывал серебристо-белый рисунок — треугольники по открытому лбу, линии вдоль плавно очерченных скул. Рисунок шел и по тонкой шее, чтобы пропасть под воротником свободного белого одеяния — платья, надетого поверх блестящей кольчуги.

— Мне казалось, ты мертвец, ведь тебя исторгли пески. Сесть можешь? Ничего не сломал? — Она произнесла все это совсем тихо и погладила его по макушке. Тонкие губы дрогнули в улыбке облегчения.

Ладонь женщины была ледяной, но прикосновение вроде бы вызывало скорее что-то приятное. Мальчик кивнул и приподнялся. В голове тут же зашумело.

— Ох... как мне плохо...

Она приобняла его за плечи. Объятье тоже было холодным, но мальчик сразу безотчетно прильнул к узкому и крепкому плечу. Ему было страшно, к тому же объятье что-то напоминало ему... но что? Мысли ворочались неохотно, точно старые черепахи.

— Как тебя зовут и почему ты был там, внизу?

Она отстранила его и пристально посмотрела в глаза своими серыми светлыми глазами. Почему-то мальчик задумался о том, насколько она старая, и не смог понять. Она могла быть чуть постарше юных городских модниц, а могла быть и их мамой — слишком глубоким и пронизательным был ее мерцающий взгляд. А еще она спросила про имя... когда мальчик попытался вспомнить его, внутри все закололо. Он потер лоб и неловко улыбнулся.

— Я не знаю, как меня зовут, Белая Женщина. Но я...

Он запнулся. Сказать правду оказалось нелегко. Ведь обычно люди не понимали, более того... кажется, он давненько уже никому не представлялся. А представлялся ли вообще? С кем, когда он в последний раз говорил, от кого не таился в тенях и гулком эхе улиц?

— Я — город, Белая Женщина. И я мертв.

В ее лице ничего не дрогнуло — она только прикусила уголок нижней губы. Мальчик взял ее за руку и прижал холодную ладонь к песку.

— Можешь послушать, чтобы убедиться. *Так* бьется мое сердце. *Там* бьется мое сердце.

Женщина опустила веки. Вряд ли она могла не слышать тысяч стонов, а еще поскрипываний, с которыми песчинки пересыпаются в тех пустотах квартир и зданий, где не заполнили еще все. Мертвец ворочался в могиле, а в нутре его ворочались десятки тысяч других мертвецов — детей и клерков, старушек и домохозяек, ученых, сыщиков и лавочников. Да, женщина поняла все это и убрала руку. А потом она с усилием заговорила:

— Спасибо за то, что не лжешь, хотя это и страшно. Ну что ж, тогда буду честной и я. Малыш, я... Кара. И я — упавшая звезда.

Одна из загадочного Небесного Народа — холодная, спокойная... Мог ли он не понять, всматриваясь в затейливый рисунок на коже и видя, как ветер треплет лучистые мягкие волосы? Но, словно боясь, что ей не поверят, Кара подобралась и быстро затараторила:

— Я не помню, почему так произошло, что я здесь. Только-только упав, я заснула и, может быть, очень долго проспала, по крайней мере, когда проснулась, была уже совсем холодная, а нам, чтоб остыть, надо много времени. — Глаза слегка округлились, и мальчик понял, что звезда все же довольно юна, скорее девушка, чем женщина. — Потом я проснулась и пошла искать хоть одно живое существо. Как хорошо, что я нашла тебя. Сколько ты... лежал там?

Мальчик огляделся. Небо было ясным, Невидимое Светило не жалело сегодня тепла. Песок казался очень сухим, совсем как утром последнего для Города-на-Холмах дня. И... кажется, то, что они с Карой только что слушали, было в самых его недрах. Глубоко. Слишком глубоко. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась ровная, даже без барханов, поверхность; не было ни самого чахлого кустарника, ни даже скелетов заблудившихся зверей;

не было башен ученых и крепостных стен. Да... места, некогда полные жизни и пересеченные дорогами, Пять Графств где праздник, закончившись в одном, начинался в следующем, опустели. Теперь все это сменила самая настоящая пустыня.

— Думаю, очень долго. Примерно как ты спала.

Он снова приложил ладонь к песку и прислушался. Сердце билось.

— Сколько ты тут бродишь?

Звезда слегка вытянула ноги — они были босыми и запыленными, а кожа на них — совсем грубой, потемневшей, словно опаленной. Она сильно отличалась от нежного золотисто-смуглого лица. Пошевелив чумазыми пальцами, Кара ответила:

— Сапоги я стоптала очень, очень давно. И мне никогда никто не попадался. Разве что песчаные крысы... у меня, кстати, осталась одна зажаренная с завтрака. Хочешь?

Предлагали явно искренне. Неожиданно для себя мальчик улыбнулся и сморщил нос, затем еще раз медленно обвел взглядом пространство вокруг, стараясь уцепиться за привычные ориентиры. Кажется, их совсем не было... но нет. Один все же нашелся.

— Как-нибудь обойдусь. И думаю, мы подыщем что-нибудь получше.

Кара, рывшаяся в маленькой дорожной сумке, видно, в поисках крысы, вздрогнула и тоже огляделась:

— Ты хочешь уйти?!

Он не уходил отсюда никогда. У него не было ни возможности, ни причины, ведь этот город был им, а он был этим городом, и без него рухнули бы все великие башни. Едины. Неразрывны. Навсегда. Так было раньше. Теперь...

— Нельзя оставаться. Так мы ничего не сделаем. Да и одной крысы на двоих вряд ли хватит.

— Но здесь... — она потрогала песок и, конечно же, ничего не услышала, — бьется твое сердце.

Мальчик улыбнулся снова:

— Оно всегда со мной.

Откуда-то он это знал. Точно знал.

2. По облакам

Мальчик-город никогда не выходил за пределы низких резных стен, зато часто коротал время на крыше радиобаши, — делаясь невидимым для людей, он забирался на ее шпиль, к самой верхушке. Оттуда были далеко видны не только дома, но и поросшие приземистым зеленым кустарником рощи, реки, поля; можно было смотреть на все пять сторон света и на ведущие туда главные железные дороги Пяти Графств.

Он хорошо помнил, что путь на Графство Ширгу, Грозное графство, всегда оттенен закручивающимися в спираль кучевыми облаками. Это графство у Горького моря продавало и дарило дождь. Караваны разномастных темных туч бежали отсюда в разные концы мира. В незапамятные времена, пока не угас род Ветряных Чародеев, именно они подгоняли тучи своими колдовскими посохами. Потом, во времена более ближние, сила рассеялась, и часть ее перешла к Чародеям Песка — и уже они стали направлять тучи, если те сбивались с пути, и поторапливать их в земли, страдавшие от зноя и засухи. Ну а теперь...

Теперь нет и этих Чародеев. Серо-лиловые облака давно не прилетают в Пустыню Мертвых Городов, где нечего стало поливать, и их не так хорошо видно. Но, сидя на песке с Белой Женщиной, мальчишка ясно рассмотрел какие-то сине-серые, будто подпаленные спинки и хвостики вдалеке над горизонтом. Они поднимались очень высоко. Они напоминали не пасущихся буйволов, как раньше, а просто грязные тряпки, но он очень им обрадовался.

— Ты уверен, что должен идти?

— Даже если не уверен. Я должен.

И те, кого было пока еще Двое, пустились в путь.

— Зан. Можно, пока ты не вспомнишь свое имя, я буду звать тебя так? Неудобно как-то общаться с человеком без имени.

— Чем неудобно?

— Ну... я ведь не могу звать тебя «эй!»? А вот «Зан»...

Их босые стопы бесшумно утопали в раскаленном песке. Мальчику было больно, но он только кусал губы, чтобы ни в коем случае не ныть. Его спутница, давно, видимо, переставшая замечать эту боль или вовсе ее не ощущавшая, шла прямо, спокойно и легко, гордо держа голову, и он старался равняться на нее. А она, наверняка понимая, что нескоро его подошвы достаточно закружат, неустанно болтала, чтобы помочь отвлечься.

— А что это значит на вашем языке? — спросил он, утирая со лба пот. — Не обидное что-нибудь?

— Маленькая желтая звезда. Ты очень похож на маленькую желтую звезду. Вертящую такую.

— А какая ты?

Кара надула губы:

— Маленькая белая звезда. Если бы была мальчиком, меня бы звали «Кар». А ты бы был Заной, если бы был девочкой. У нас все имена парные.

Невольно он заинтересовался и действительно забыл немного про скребущую горячую боль. О далеком Небесном народе он знал невероятно мало, как и большинство тех, кто принадлежал к народу нижнему, Поднебесному.

— А какие еще звезды у вас есть?

— Красные. Голубые. Лиловые. Да всякие.

— А чем вы занимаетесь?

Кара заправила за ухо прядь и с некоторой гордостью постучала себя по кольчуге:

— Разным. Но в основном, мы охраняем живые планеты от Черных. Чтобы они их не проглотили.

— Черных... звезд?

Кара замялась, топнула, взметнув большое облако песка. Ветер тут же разнес его во все стороны. Похоже, ей жутковато было объяснять.

— Они уже не совсем звезды... это существа, которые давно перестали ими быть. Звезды... знаешь ли, они, то есть мы, очень миролюбивые создания. Мы освещаем и бережем все живое. Нам бы что-то вам показать, подсказать, исполнить желание — и хорошо. Нам нравится на вас смотреть. Живые... — она положила руку ему на макушку, — вы такие теплые. Даже ты, хотя и не совсем обычный. Кстати, так не пойдет.

Пробормотав это, она сдернула платок, перетягивавший платье в талии, деловито развернула мальчика к себе и принялась обвязывать ему голову, скручивая из платка какой-то высокий чудной убор.

— Не надо, — возмутился он.

— Надо. Я не наблюдаю за вами днем, но я знаю точно. Дневная Звезда, Невидимое Светило вас бьет по макушкам.

— Кара, я же город.

— Но сейчас-то ты просто мальчик.

Он насупился, но Кара была права. Продолжая вертеть из ткани слой за слоем, звезда как ни в чем не бывало заговорила опять:

— Так вот. Черные. Они... у нас говорят, это звезды, которые взрываются и чернеют от зависти к вам. Завидуют, что не могут быть живыми. Ведь наши сердца...

— Я кое-что о них слышал.

Кара оставила платок в покое и повторила то, что мальчик сам сделал недавно: взяла его за руку и приложила к своему сердцу. Они простояли молча, кажется, очень долго, но он услышал только один глухой удар.

— Да. Вот так они у нас стучат. Редко, слабо. И, наверно, примерно так мы, по крайней мере, большинство, чувствуем. Мы не любим по-настоящему. Не мечтаем. Нас ничего не смешит и не удивляет, мы ко всему привыкли. У нас слишком много дел. Пойдем дальше.

Она пошла вперед, и ему пришлось затрусить следом.

Ровная поверхность постепенно пошла вверх. Долина, некогда напоминавшая глубокую чашу с выступами холмов в центре, так чашей и осталась, просто стала из-за песка более пологой, а холмы вовсе пропали. Мальчик вздохнул. Ему давно хотелось пить. Непривычное ощущение, в городе его мог бы напоить каждый фонтан.

— Так можно пока ты будешь Заном?

— Можно.

Она улыбнулась и немного замедлила шаг, чтобы идти рядом. Они замолчали, но город замечал, что Кара то и дело на него посматривает. И покусывает губу, будто хочет еще что-то спросить.

— Зан... — наконец решила она.

— Да?

— А как же твой дом... ну... попал под песок? Вряд ли он был там всегда...

— Так вышло, — коротко отозвался мальчик.

— А раньше у вас такое бывало?

— Нет. Песок нас не трогал. Нас всегда защищал...

Он споткнулся и остановился, будто встретив прозрачную стену. Воспоминание коротко, как тревожная сигнальная ракета, полыхнуло в рассудке — зыбкое и частично размокшее в дожде, который он видел в последний день своей прежней жизни. Фигура с росчерком чего-то в руке... может, то был длинный посох, который венчали пять маленьких пик? Не был ли человек...

— Чародей Песка... — Мальчик произнес это одними губами.

Кара положила руку ему на плечо. Пальцы подрагивали.

— Зан?

Да. Чародей Песка, из древнего рода Кимов — тех, кто помог некогда превратить пустыню в живой цветущий край, а потом отгонял от Пяти Графств даже самые страшные бури... Так было всегда, мальчик помнил это. Чародеи — мужчины и женщины в бежево-коричневых одеждах, похожие на больших пустынных птиц, — неизменно прилетали в город на ветрах, стоило чему-то случиться. По наследству они передавали друг другу чудесный посох, повелевающий самумами и всеми другими силами, теперь уже не только песчаными. Последний живой чародей, Ширкух Ким, был совсем молодым, но прослыл великим: слишком часто на его долю выпадали встречи и с песками, и с самым разным злом. Чародей удерживал мир и покой в Пяти Графствах. Чародей должен был быть здесь и *тогда*, когда ветерок в последний раз играл листьями, а в небе собирались тучи. Чародея звали, пуская ракеты.

И чародей был. Да. Теперь мальчик почти не сомневался, что чародей там был, с самого начала и до самого конца. Но почему-то не помог, а может, и...

— Что с тобой, Зан? Хочешь отдохнуть?

Мальчик опустил голову, стряхнул холодную руку звезды с плеча и пробормотал:

— Пошли, Кара. Поскорее.

Он надеялся, что перестанет думать, если опять сосредоточится на том, как песчинки царапают стопы и лезут между пальцами. Но он не переставал еще очень долго.

Кажется, они пределали длинный путь: отдаленные спирали грозовых туч приблизились. Подъем закончился, а пески стали сменяться чахлой, но уже местами чем-то поросшей землей. Вскоре мальчик увидел явно свежий могильный камень с незнакомым мужским именем и годом смерти — *1270 от Ухода Песков* — а сразу за ним обломки рельсов. Кажется, здесь проходила раньше Грозвая Железная Дорога, которая тянулась через большую часть долинных городов и оканчивалась на Холмах. Проржавелые железки — все, что от нее осталось. Кара осторожно потрогала рельс пяткой, и тот распался на два куска.

— Прошло очень много времени, — сдавленно шепнул мальчик. — Сколько же? Не могу вспомнить год, когда все погибло...

Звезда ничего не ответила. Ей явно было неуютно.

Они шли, пока Невидимое Светило не начало меркнуть. Голубое небо теперь неравномерно окрашивалось красным и рыжим, маячившие дальше облака Ширгу наливались темно-лиловым. Растительности под ногами становилось больше, но все больше было и камней — теперь и Кара морщилась, наступая на особенно острые.

Довольно долго они двигались вдоль следов железнодорожной колеи, и город знал, что это хорошая мысль: во-первых, так они точно достигнут столицы Ширгу а во-вторых, рано или поздно им попадетсся...

— Смотри, домик! — радостно завопила Кара и припустила во всю прыть. — Ура!

Домик был старым полустанком: длинный перекрошившийся перрон, а на нем — сложенное из обшарпанного рыжего кирпича подобие лачуги. Зеленая черепичная крыша сохранилось наполовину, уцелело всего два из четырех окон, болталась на одной петле дверь. Но звезда явно видела во всем этом уютное место для ночлега. Небо над головами все быстрее чернело, и выбирать особенно не приходилось.

Лестница на перрон превратилась в развалины, и Кара влезла туда, хорошенько подтянувшись и перевалившись через край.

— Давай сюда, Зан.

Он послушно протянул руку, и звезда помогла ему влезть. Сняв съехавший с головы тюрбан, он еще раз огляделся.

Было тихо, пусто. Из-за двери в вокзальную постройку тянуло чем-то кисловатым и пыльным. Но Кара уже сунула туда нос, после чего, обернувшись, важно сообщила:

— Дворец!

Во дворце были полуобвалившийся очаг, прогнивший пол, один целый стул, покосившийся столик и две криво висящих полочки, на которых под пылью ютились подстаканники. Нашелся бочонок для воды, брошенный настолько давно, что грязь и дохлые насекомые лежали внутри не одним слоем. Сунув туда палец, мальчик наткнулся даже на несколько лягушачьих костей и паутину. Еще в одном шкафчике обнаружился пакет с каменными сухарями, две железных банки чего-то, у чего давно не было этикеток, и коробка, в которой, судя по подернутым пушком плесени комочкам, держали конфеты. Все эти припасы звезда, придирчиво оглядев, вышвырнула в разбитые окна, а бочонок пнула ногой:

— Крепкий. Возьму с собой.

— Куда?

— Надо осмотреться, Зан, и найти что-нибудь съедобное. А ты разведи огонь.

— Чем? — опешил он от такого поручения.

Кара щелкнула его по носу совершенно ледяными пальцами:

— Меня спрашиваешь? Я часто наблюдаю за людьми, они вон берут палочки и...

Не закончив, она махнула рукой: «Сам разберешься», подхватила бочонок под мышку и деловито направилась обратно на улицу.

— Не уходи далеко! — запоздало завопил город. — Я боюсь!

Задача с огнем оказалась не такой сложной: палочки действительно после долгих мольб и проклятий дали искру. На растопку сгодились обломки и труха из обшивки двух поломанных стульев, а также бумага, нашедшаяся в закутке, бывшем некогда билетной кассой, — целые рулоны, пожелтевшие, но целые. И дымоход оказался вполне исправным. Мальчик, довольный собой, протянул к огню руки. Пока шумной спутницы не было, нашлось время подумать, и им стоило воспользоваться... но неожиданно мальчик осознал, что думать не хочет. Потому что мысли неизменно натываются на пустоту и сбиваются.

Поймав случайно пришедшую в голову идею, он оторвал от толстого бумажного рулона чек. Там должна была стоять дата, когда эти билеты собирались продавать. Дата была, но, рассмотрев полустершиеся цифры, мальчик бросил разом весь рулон в очаг. Может, лучше бы он и не узнал...

Ширгу. Месяц 12-й бури, шестой день. 1012 год от Ухода Песков.

Если сопоставить эту дату и дату на могиле, то песок похоронил город два с половиной лау назад. То есть прошло около двухсот пятидесяти восьми лет.

Мальчик уставился в пламя, крепко обхватив руками колени. В глазах защипало, но он часто-часто заморгал, и постепенно это прошло. Глупости... если случилось так, что песок выпустил его, если его сердце еще бьется... Он прижал к груди руку и услышал те же звуки — стоны и шелестящее скрипение песка. Да. Сердце билось словами:

— Мы ждем тебя. Спаси нас...

И если так, да еще и подкинули ему какого-никакого, но товарища, значит, потеряно пока не все. Нужно только...

...Найти кого-нибудь вроде чародея. Не Песчаного, которому веры отныне нет, а другого, ведь, говорят, они встречаются; говорят, они добрые и мудрые. Говорят... или говорили? Может, их и не осталось? Иначе они ведь давно подняли бы город из песка, разве нет?

Мальчик взъерошил себе волосы и порывисто вскочил. Долго гадать, сидя в бездействии, было выше его сил. Он принялся заново обшаривать каморку в поисках чего-нибудь, что могло пригодиться, и нашел внизу шкафчика пару не сгнивших пледов. Они не лучшим образом пахли, но были теплыми, чем не стоило пренебрегать: холодало. И он принялся за дело.

Огонь уже горел вовсю, а пледы были удобно расстелены на полу, когда открылась дверь и невольно пришлось зажмуриться...

— Живой? Ну и славно!

Кара сияла. Не только ее смуглое лицо сияло самодовольством, а вся она, особенно волосы и рисунок на коже, светилась белым. Ровным звездным светом.

— Вот. — Бочонок, который она поставила на пол, на треть заполняла чистая вода. — И вот. — Она вручила мальчику свернутый из какой-то коры кулек с крупными красными ягодами.

— А ты уверена, что их есть можно? — осторожно уточнил он, борясь с желанием немедленно наброситься на воду, может быть, даже окунуть в нее голову.

Звезда кивнула и полезла в свою сумку:

— Я видела, как ели птицы. — Пошарив, она мягко опустила на пол что-то еще. — Кстати, вот и они.

Две довольно крупных, оперенных коричневым тушки с безжизненно повисшими головками заставили мальчика попятиться, скривившись. Звезда озадаченно постучала ногтем по клюву одной из птиц.

— Что? Это называется охотой. Ты жил среди людей столько времени и так удивляешься? — Усевшись поудобнее, она принялась за ощипывание.

— Мои жители... — Мальчик с удовольствием отпил воды из бочонка и умыл лицо, — не охотились. Они ходили в места, которые называются кабаками, кафе или пабами. Ну или жарили у себя дома уже готовое мясо. Оно не было в перьях и не ело ягод...

— Но кто-то же должен был делать его готовым, — резонно заметила Кара. — Оно не растет на грядках.

— Я не видел.

— А я видела. Оно ходит, летает или плавает. Мясо.

Он присел рядом и стал с любопытством наблюдать, как перья падают на пол и как Кара небрежно отпихивает их подальше. Она закончила быстро, вынула из-за пояса нож и, отыскав место почище, плюхнула одну голую тушку туда. Лезвие блеснуло, и мальчик спросил:

— Где ты всему этому научилась? Ты же...

— Звезда, — кивнула она и облизала окровавленный нож. — Значит, в отличие от вас, ночью не сплю. А на кого, по-твоему, можно посмотреть ночью? На разбойников, на бродяг и все такое... да и когда путешествуешь по небу в поисках опасности, тоже надо бы уметь обстроиться. У нас там такие сады... их разбил еще род великого Золотого Зуллур...

Она говорила и, почти не глядя, потрошила птиц, бросала внутренности на найденный где-то кусок тряпки. Глаза задумчиво устремились к видневшемуся в окне небу. Там сияло множество звезд; одни были неподвижны, а другие металась туда-сюда.